

30 сентября исполняется 155 лет со дня рождения Марии Львовны Толмачевой, русской писательницы.

Сохранилось очень мало сведений о жизни Марии Толмачевой (урождённой Погодиной). Известно, что родилась писательница в Нижнем Новгороде в семье юриста в 1867 году. В начале XX века она переехала в Петербург. Столичная жизнь захватила провинциальную девушку. Мария с головой окунулась в литературную жизнь. Была посетительницей сред, собираемых издателями детского журнала «Тропинка». Сама попробовала писать лишь в начале 20 века. Первый ее рассказ «Овечья купель» был опубликован в 1907 году в журнале «Русская мысль».

Мария Львовна работала в дошкольных учреждениях, что не мешало её творческой деятельности. Она писала рассказы и повести, которые печатались в журналах «Тропинка», «Родник», «Всходы», «Русская мысль», «Вестник воспитания». Самая известная её повесть «Как жила Тася» опубликована в 1913 году. Повесть рассказывает о жизни маленькой девочки Таси и её большой и дружной семье. Как она праздновала день рождения, встречала Новый год и Пасху, какие у нее любимые игрушки, как училась читать.

В повести «Как Вася один в городе жил» рассказывается о мальчике Васе, который приезжает на поезде с мамой из деревни в город Ленинград к тете Наде. Оказавшись в большом городе, Вася попадает в разные ситуации.

Толмачева через понятные ребёнку ситуации, происходящие в его жизни, даёт понять, что такое хорошо и что такое плохо, как жить правильно, какой должна быть семья.

После революции издавались новые рассказы и повести Марии Толмачевой

для детей — «Васин денек» (1925), «Как Вася один в городе жил» (1923), «Вася у бабушки» (1925), «Леля из детского дома» (1925), «Про людей и медведей» (1927), «Овечий остров» (1930). Её произведения были популярны у детей. А ещё писательница пересказала для дошкольников книгу Даниэля Дефо «Робинзон Крузо».

Мария Львовна Толмачёва умерла 31 января 1942 года, в блокадном Ленинграде и была похоронена в общей могиле на Пискаревском кладбище. Остались её книги. Они переиздаются и читаются современными родителями с детьми, а девочке из повести «Как жила Тася» и ее плюшевым мишкам сопереживают, как и сто лет назад.

Видео: https://www.youtube.com/watch?v=ZjiIF2_p0rI

Прочитайте в оригинале рассказ автора.

Толмачева М.Л. Тетя Катя.

Только что набранныя фіалки, темно-лиловыя, такъ сильно пахли, что слышно было издалека. И когда тетя Катя, отдыхая, закрывала глаза, то все-таки чувствовала, что онѣ тутъ близко, на столикѣ, и точно ведутъ съ ней неслышный разговоръ.

А когда открывала, то опять радовала прядь глициній, отдѣлившаяся отъ зеленаго каскада и низко свисавшая надъ ней. Обѣщали -- скоро будутъ цвѣты и тогда станетъ еще лучше. Она еще не видала, но вѣрила и радовалась. А дальше каштанъ зацвѣтеть: вонъ, видно съ балкона, какъ растутъ съ каждымъ днемъ свѣчки на концахъ вѣтвей. Еще дальше -- горы сѣро-лиловыя, ей недоступныя, но такія манящія и прекрасныя. Зацѣпилось и уютно прилегло въ ложбинку бѣлое облачко. Синее небо, спокойное и доброе. Тамъ, сзади, море блеститъ, только оглянуться нельзя: надо смирно лежать на кушеткѣ, а то закашляешь, не велѣлъ докторъ много двигаться.

Внизу зазвенѣли голоса, сквозь рѣдкія балясины балкона видны дѣти, свѣтлыя, голоногія, бѣгутъ въ перегонку и хохочутъ. За ними дѣвочка юная въ бѣломъ платьѣ и студентъ въ кителѣ; въ рукахъ ракеты, торопятся, жестикулируютъ, спорятъ о чемъ-то. А тамъ зонтики яркіе матерей, словно огромные цвѣты подъ солнцемъ.

-- Ну, всѣ наши на лаунъ-теннисъ пошли, -- говоритъ себѣ больная;-- и Миша съ Ниночкой опять вмѣстѣ. Глупенькіе!.. милые!..-- И улыбается нѣжно вслѣдъ и умиленно обводитъ глазами все. Какъ хорошо! Господи, какъ хорошо! Никогда не замѣчала еще она, какъ прекрасна жизнь. Да когда было и замѣтить? Ей казалось, что всегда-то она спѣшила, спѣшила куда-то, все-таки никогда не успѣвая сдѣлать, что нужно, задыхалась, изнемогала и вотъ, наконецъ, выбилась изъ силъ, упала, и въ невольной неподвижности теперь только поняла, что надъ ней синее небо, солнце, тихо колышущіяся деревья и что все это прекрасно и неизвѣданно.

Но вѣдь раньше тоже казалось, что она счастлива и что ничего другого не надо. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ прижилась она къ большой семьѣ скорѣе другомъ, чѣмъ гувернанткой.

Ей, робкой, одинокой, некрасивой, развѣ не счастье было сидѣть за длиннымъ обѣденнымъ столомъ, среди шумной, бойкой бесѣды? Развѣ не замирало сладко сердце, когда маленькіе влѣзали на колѣни и, обнимая теплыми ручками, звали "тетей Катей"? А вечера вдвоемъ съ хозяйкой дома, дружескія бесѣды надъ горкой чинившагося бѣлья, общее ожиданье и тревога за засидѣвшагося у товарища старшаго сына Сашу. Она была нужной, родной, любимой... Правда, по вечерамъ ныли ноги и спина, правда, за весь день не было минутки свободной, но что за печаль?

И вдругъ эта нелѣпая болѣзнь, этотъ жестокий плевать послѣ долгой прогулки съ дѣтьми на катокъ. Вотъ второй мѣсяцъ, какъ привезли ее сюда полуживую. Хорошо, что приколплено было чуть-чуть, хоть не въ тягость она никому.

Сперва дико было, что никто не зоветъ, никуда не надо спѣшить. Ночью чудились дѣтскіе голоса и по утрамъ все боялась проспать.

Но потомъ пришло чувство глубокаго, блаженнаго покоя. Проснувшись, передохнувъ отъ припадка кашля, брела она тихонько къ окну и, стараясь дышать осторожно, упивалась сладкимъ воздухомъ, кроткимъ небомъ и мягкими очертаніями горъ въ прозрачной дымкѣ.

И люди были милы -- и больные, и здоровые. Однихъ жалко было и тянуло помочь, на другихъ было интересно и весело смотрѣть.

Всю жизнь она приспособлялась, теперь нужно было устроиться такъ, чтобы болѣзнь не слишкомъ мѣшала, и это удавалось. Когда, по предписанію доктора, приходилось часами лежать неподвижно, то было не только не скучно, но очень хорошо. Все время хотѣлось умиленно благодарить кого-то, даже слезы иной разъ выступали.

Иногда она какъ-то теряла себя: казалось, что ужъ нѣтъ ненужнаго, мѣшающаго тѣла, только духъ, нераздѣльно слитый со всей Красотой,-- все въ ней и она во всемъ.

Въ дверь раздался рѣзкій стукъ и, не дожидаясь отвѣта, ручка завертѣлась, дверь скрипнула, и въ образовавшуюся щель вдвинулась большая, растрепанная свѣтло-рыжая борода на костлявомъ, блѣдномъ лицѣ съ длиннымъ носомъ.

-- Войти разрѣшается, тетя Катя?-- спросилъ сиплый голосъ.

-- Да! Да! Конечно!-- заторопилась больная и безпокойно завозила на своей кушеткѣ.-- Входите, садитесь, пожалуйста, Николай Петровичъ!

Дверь открылась пошире и впустила человѣка высокаго, сутулаго; тужурка изъ теплой, толстой матеріи не скрывала острыхъ плечъ. Онъ тяжело опустился на сосѣдній стулъ, глухо кашлянулъ и мрачно посмотрѣлъ на свою собесѣдницу лихорадочно блестящими глазами.

-- Сбѣжалъ къ вамъ, тетя Катя! Совсѣмъ замучился!

-- Что такъ, голубчикъ? Опять васъ сосѣдка доняла?

Тотъ досадливо махнулъ рукой.

-- Чортъ знаетъ что! Силь никакихъ съ ней нѣтъ! Бухаетъ, бухаетъ... и какъ это у нея грудь не лопнетъ! Я сейчасъ съ горя по часамъ считалъ, такъ, повѣрите ли, она въ пять минутъ 38 разъ кашлянула! Стѣнка тонкая, окна открыты, сушая бѣда! Не только что спать, а усидѣть невозможно. Вотъ тебѣ и послѣ-обѣденный сонъ. А докторишка этотъ подлый все твердить: "Здѣсь вы будете имѣть абсолютный покой". Чорта съ два!-- И онъ сердито и мучительно раскашлялся, досталъ карманную

плеватьницу и долго и старательно плевалъ туда. Его лицо чуть просвѣтлѣло.

-- А вѣдь мокрота-то у меня лучше стала, Катерина Ивановна, ей-Богу лучше. И жилокъ кровяныхъ нѣтъ ни единой,-- довольнымъ тономъ заключилъ онъ.-- Мнѣ бы только покой, я бы живо поправился. Вѣдь посудите сами: докторъ велѣлъ послѣ обѣда спать обязательно, а какой тутъ сонъ? Пошелъ было на большую веранду, а тамъ эти двѣ чечетки, барыни наши, сидятъ, возлѣ нихъ младенцы въ мячъ играютъ, орутъ... Тьфу! больному человѣку дѣваться некуда! Деньги небось дерутъ, а...-- Онъ не кончилъ и сердито крякнулъ, боясь новаго приступа кашля.

Катерина Ивановна опять завозилась и приподнялась; ея глаза испуганно и тревожно смотрѣли на гостя.

-- Николай Петровичъ! родной!-- заговорила она, волнуясь.-- Да ложитесь вы здѣсь. Я ужъ отдохнула, мнѣ больше не нужно. Ложитесь, пожалуйста!-- И она совсѣмъ встала и невѣрными шагами перешла въ плетеное кресло.

На лицѣ больного промелькнула радость, потомъ смущеніе.

-- А вы-то?-- рѣзко спросилъ онъ.

-- Да я, право, больше не буду! Я и то гулять собиралась.

-- Ну ладно, коли такъ. Спасибо!

Осторожно расправляя свое костлявое, больное тѣло, Николай Петровичъ улегся на только что оставленное, еще не остывшее мѣсто, прикрылся пледомъ, блаженно вздохнулъ и зажмурилъ глаза.

-- Аки въ царствіи небесномъ!.. А и дура же, я вамъ скажу, эта сосѣдка моя!-- вдругъ ухмыльнулся онъ лукаво и злорадно.-- Вчера просила меня хозяйка газету ей передать. Ну, зашелъ я къ ней, а она меня спрашиваетъ: "Что розы еще не расцвѣли?" -- "Нѣтъ!" говорю. "Ну, слава Богу, успѣю поправиться, а то мнѣ посмотреть хочется..." Я ужъ скорѣе ушелъ... Сидѣлка говоритъ, ужъ поворачиваться сама не можетъ, а она -- "розы"!-- Онъ фыркнулъ, закрылъ глаза и замолчалъ.

Катерина Ивановна тихо сидѣла на своемъ креслѣ и смотрѣла на него страдающими глазами.

-- А вѣдь мнѣ лучше!-- заговорилъ опять больной.-- Давеча докторишка-то нашъ меня выслушивалъ, говорить, хриповъ меньше, а вѣдь онъ на этихъ болѣзняхъ собаку съѣлъ, даромъ говорить не станетъ. Онъ ничего, добрый парень... Да и температурка ниже становится, вотъ я вамъ покажу сейчасъ.-- И онъ полѣзъ въ карманъ, досталъ аккуратно сложенную бумажку, развернулъ ее и, тыча въ нее худымъ пальцемъ съ рѣзкими утолщеніями на суставахъ, заставилъ Катерину Ивановну убѣдиться, что, дѣйствительно, сегодня утромъ и третьяго дня вечеромъ температура была ниже обычной.

-- Вот видите!-- довольно проговорилъ онъ, пряча бумажку.-- А аппетитъ-то, замѣтили? Я сегодня за обѣдомъ двѣ телячьи котлеты съѣлъ! По правдѣ сказать, съ души воротило, да докторъ сказалъ: ѣсть какъ можно больше! Да мнѣ иначе нельзя, какъ поправляться,-- добавилъ онъ тише,-- кто же галчать-то моихъ кормить будетъ? Давеча жена и то пишетъ: когда, молъ, пріѣдешь, а то Колька вовсе отъ рукъ отбился. Шельмецъ-мальчишка: восьмой годъ, а сладу съ нимъ нѣтъ!-- Теплый лучъ пробѣжалъ по блѣдному лицу и скрылся въ облипшихъ у губъ жиденькихъ свѣтло-рыжихъ усахъ.

-- А какъ вашъ вѣсъ за эту недѣлю?-- робко спросила Катерина Ивановна: она боялась, что мысли о домѣ разстроятъ больного, но сейчасъ же раскаялась въ сдѣланномъ.

Николай Петровичъ болѣзненно поморщился, темная краска залила его впалыя щеки, онъ приподнялся на локтѣ и, со злобой глядя на свою собесѣдницу, выкрикнулъ какъ ругательство:

-- Вѣсъ, дался всѣмъ мой вѣсъ! Удивительно! Ну, сбавилъ фунтъ, если угодно знать! Ну, что жъ изъ этого?-- И онъ откинулся, тяжело дыша.

Катерина Ивановна совсѣмъ всполошилась.

-- Милый!.. Голубчикъ!!-- кинулась она къ нему.-- Ну, что за бѣда? Всѣ сбавляютъ теперь! Жарко стало, оттого и сбавили!-- торопливо говорила она первое, что приходило въ голову, глядя его большую волосатую руку съ выступавшими костями.-- Вотъ на будущей недѣлѣ навѣрно прибавите! Вы и выглядите гораздо свѣжѣе эти дни!

Больной повернулъ къ ней голову и пристально, съ боязливой надеждой посмотрѣлъ на нее.

-- Тетя Катя, вы славная,-- упавшимъ голосомъ заговорилъ онъ;-- скажите мнѣ по совѣсти: какъ по-вашему -- поправлюсь я?

-- Ну, конечно же,-- быстро отвѣтила она,-- я увѣрена, что къ лѣту молодцомъ будете!

-- Не охота помирать-то,-- по-дѣтски жалобно протянулъ онъ и закрылъ глаза.

Катерина Ивановна стояла надъ нимъ молча, блѣдная и серьезная. Она близко видѣла передъ собой его обтянутый високъ, слышала дыханье, отъ котораго что-то щелкало въ груди, и тяжелый запахъ больного тѣла. Какой-то комъ подступалъ ей къ горлу; она осторожно отняла свою руку и выскользнула изъ комнаты.

Въ пустомъ, гулкомъ коридорѣ она перевела духъ и, спустившись съ лѣстницы, пошла потихоньку на свое любимое мѣстечко, куда рѣдко кто заглядывалъ. Тутъ она опустилась на скамью и съ нѣжностью оглянула знакомый ужъ, любимый видъ. Часто посаженные кипарисы отгораживали ее, какъ ширмой, отъ всѣхъ. Не видно было ни дома, ни

сада, только широкая панорама горь и моря пышно лежала передь ней. Много сиживала она здѣсь и сроднилась, была ужь своя; точно ждали ее тутъ и спокойно обрадовались кипарисы, чуть колеблемые вечернимъ бризомъ.

Тамъ, около больного, стало невыносимо тяжело. Она знала, что онъ умираетъ и оставляетъ нищую семью, но не смѣетъ повѣрить этому. Эти несчастные люди, которыхъ много перевидала она за это время, растерянные, обманывающіе себя, малодушные, неумолимо влекомые безпощадной силой къ неизбѣжному, близкому концу, возмущали въ ней какое-то чувство собственного достоинства. Зачѣмъ такъ цѣпляться за жизнь?

Но послѣднее время она была смущена... Ликующій день, здоровые люди, дѣти, весна, цвѣты, живое море заразили ее робкой, стыдливой жаждой радости и жизни. Такъ хотѣлось любить, обнять весь этотъ прекрасный міръ. Но сейчасъ, изъ-за спины больного товарища, она ясно увидѣла знакомый Ужасъ и тянущіяся и къ ней жадныя руки. Не уйдешь и ты! А захотѣлось жить. Но пугаться, безсильно отмахиваться, лгать себѣ - нѣтъ, этого она тоже не могла. И надо было разобраться, необходимо найти...

Вся поникнувъ, виднѣлась маленькая, согнувшаяся фигурка на зеленой скамѣ, окруженная семьей стройныхъ, внимательныхъ кипарисовъ. Солнце ужь было низко, парусъ на какой-то дальней рыбацкѣй лодкѣ сталъ розовымъ, и даль моря почти слилась съ поблѣднѣвшимъ горизонтомъ.

Тетя Катя думала... Къ чему ей въ сущности жить? Докторъ прямо признался, что здоровой ей ужь никогда не быть, а такая куда она? Работать вѣдь ужь не придется. И потомъ чѣмъ жить? Денегъ хватить еще мѣсяца на два-три, а дальше? Родныхъ нѣтъ; обращаться къ дорогой ей семьѣ?... Правда, когда она уѣзжала, съ нея взяли слово сказать, если что нужно будетъ; но недавно писала Софья Петровна, что ужасно дорого обойдется обмундированіе Саши, кончающаго гимназію, и сѣтовала на мужа, который что-то много сталъ проигрывать въ карты. Нѣтъ, не будетъ она тянуть съ нихъ! Какъ-то, разговарившись, хозяйка пансіона совѣтовала обратиться за пособіемъ въ благотворительное общество, но и этого ей не хотѣлось. Зачѣмъ отбивать у другихъ бѣдняковъ? Много вѣдь ихъ! Да и къ чему? Главное, нельзя понять, къ чему же теперь жить? и какъ? Развѣ не довольно того, что она получила? Ну, что она такое, а какъ плакали дѣти, когда она уѣзжала! Все, что можно, уже сдѣлано, взято, но вернуться нельзя. Ужь не та она... Вѣдь вотъ отсюда кажется, что другая суежилась тамъ, хлопотала, старалась...

Теперь важнѣе... Миръ и тишина... Радость нашла небывалую: точно на вершину горы поднялась -- весь міръ передь ней... Развѣ изъ такого

счастья есть пути назад? Но знаетъ, что надолго непосильно оно никому, и нѣтъ въ ней боязни идти дальше. Сама не знаетъ, не замѣтила, когда встала твердая вѣра, что не страшно... Слишкомъ прекрасно кругомъ... Любовь и ласка надъ ней, обвѣяли ее всю вмѣстѣ съ солнцемъ... Маленькая она и, какъ дитя, довѣрчиво собралась въ путь...

-- Приди ко Мнѣ! Отдохни!-- Она идетъ... Но тѣ-то? Ахъ, щемить сердце! Осѣнить бы и ихъ тихимъ крыломъ. Имъ бы легче! Пусть бы поняли, бѣдные... Жарко сжала руки и подняла голову.

Ночь уже сошла; кипарисы слились въ темную, холодную массу; на небѣ затрепетали загоравшіяся звѣзды, вся природа тихо и серьезно внимала чему-то. И Катеринѣ Ивановнѣ почудилось, что все кругомъ понимаетъ ее и даетъ тихій, но ясный отвѣтъ: -- Ты права, иди, отдохни...

Потянулъ прохладный вѣтерокъ. Непріятный ознобъ пробѣжалъ по спинѣ. Она встала; въ вискахъ застучало, ноги слабо задрожали и горячая волна хлынула въ голову.

"Жаръ у меня!" слабо промелькнуло въ сознаніи вмѣстѣ съ смутнымъ упрекомъ за непослушаніе приказанію доктора, не велѣвшаго выходить послѣ солнечнаго заката. Но потомъ она блѣдно улыбнулась, махнула слегка рукой и тихо побрела домой, съ трудомъ переставляя ноги. Все равно -- она не боялась...